

12. Ильин И. А. Основы художества. О совершенном в искусстве // Собр. соч.: В 10 т. М., 1996. Т. 6, кн. 1.
13. И. А. Ильин. О воспитании в грядущей России // Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 2, кн. 2.
14. Ильин И. А. Борьба за Россию // Собр. соч.: В 10 т. М., 1999. Т. 9-10.
15. Ильин И. А. Путь к очевидности // Собр. соч.: В 10 т. М., 1994. Т. 3.
16. Ильин И. А. Талант и творческое созерцание. Посвящается молодым русским поэтам // Собр. соч.: В 10 т. М., 1996. Т. 6, кн. 2.
17. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003.
18. Сковорода Г. С. Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 1.
19. Слово святейшего Патриарха Алексия II на Рождественских чтениях в январе 1999 года // Православная газета. Официальное издание Екатеринбургской Епархии Русской Православной Церкви. 1999. № 3.
20. См.: Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001.
21. Солоневич И. Народная монархия. М., 1991.
22. Экономика и культура: Докл. Всерос. конф. / Под ред. К. П. Стожко. Екатеринбург, 2000.
23. Юркевич П. Д. Филос. произв. М., 1990.

Е. В. ПЛОТНИКОВА

СПОСОБЫ ОСВОЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ: СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ И СВОБОДНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

В статье рассматриваются способы освоения ценностных систем на основе анализа философских (М. Аркадьев, Р. Барт, М. М. Бахтин, Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ф. Джеймиссон, И. П. Ильин, О. Розеншток-Хюсси, В. М. Розин, Р. Рорти, В. П. Руднев, М. Фуко и др.), историко-культурных (К. Левн-Брюль, А. Ф. Лосев, В. Тэрнер, М. Элиаде и др.), экзистенциально-психологических (Ф. Е. Василюк, Дж. Бьюдженталь, И. Ялом, Д. А. Леонтьев и др.) исследований *взаимодействия социокультурного контекста и воли индивида*.

Ценности отдельных людей и групп, если они упорядочены и согласованы с ценностями общества, – освобождают индивида и общество от проблем, от необходимости выборов, принятия решений. Доминирующие в иерархии ценности, то есть осознанные, обобщенные и устойчивые смыслы, актуализированные в конкретной ситуации, направляют волю и деятельность индивидов и групп без всякого внешнего принуждения и без внутренних сомнений, предсказуемым образом.

Отсутствие, внутренняя неупорядоченность, а также рассогласование ценностей индивидов с ценностями социума представляют собой источники проблем как для индивида, так и для общества, порождают ситуации, требующие выбора, принятия решения, т.е. ситуации с неопределенным исходом.

Следовательно, *ценности*, если рассматривать их функционально, являются *факторами депроблематизации, стабилизации, предсказуемости индивидуальной и социальной жизни*. Поэтому представляется закономерным,

что и индивиды, и общности стремятся к тому, чтобы иметь, упорядочить и согласовать ценности.

История культуры демонстрирует разные системы ценностей и разные способы освоения, упорядочения, согласования ценности. Эти системы сложились в разных историко-культурных контекстах, но, будучи освоены людьми, сосуществуют сегодня, не вполне согласуются между собой, что порождает кризис ценностей в современном мире. Оставим за скобками содержание систем ценностей. Рассмотрим *способы их освоения*.

В одном случае ценности, их иерархия определены обществом, даны в готовом виде и подлежат *непроизвольному* усвоению. Этот способ формирования ценностей можно рассматривать как *социокультурное программирование* воли индивидов. Воля и не свободна, и не несвободна – она запрограммирована, индивид желает того, чего должно желать, с точки зрения коллективной безопасности и благополучия общества. Проблемы, выборы и решения таким способом предупреждаются, так как общество не хочет (не может себе позволить) рисковать.

В то же время, если ценности происходят исключительно извне, пусть даже из самой гуманной культуры, существует риск, что любая субкультура, или контркультура, или антикультура могут точно так же инкорпорировать индивиду свои ценности. Особенно велик это *риск* в современном обществе, когда социокультурная *мимикрия, симуляция, произвольное уподобление одной культуры другой хорошо оснащены технологически*. Деструктивные культы могут выдавать себя за религию, моральная демагогия – за воспитание, наукообразие за науку и т.п.

В другом случае ценности самостоятельно, *произвольно* определяются индивидом на основе собственного переживания проблемы, в результате выбора, принятия решения. Этот способ формирования ценностей можно рассматривать как ценностное *самоопределение* на основе *свободы воли*. Найденные индивидом ценности на какое-то время избавляют от проблем, предопределяя действия. При возникновении новых ситуаций выбора у индивида уже имеется механизм их переживания, а именно – упорядочение ценностей.

В то же время, если ценности происходят изнутри индивида, от его воли, имеется риск, что человек не учтет в своей системе ценностей других людей, общество, культуру. Особенно реален этот риск в наше время, когда душевные и духовные зависимости людей друг от друга слабеют, распространяется как самосознание автономии, так и отчуждение, духовная изоляция людей, их овеществление, например, с помощью «рынка труда», низведение до «функции» в системе производства и потребления. Поэтому диалектика социокультурного программирования и свободы самоопределения актуальна для обсуждения сегодня.

Социокультурное программирование воли можно раскрыть как социокультурное предписание (про-грамма), укорененное в прошлом (про- – раньше), предполагающее возможности самоидентификации будущего (про- – вперед), воздействующее на волю в настоящем. Социокультурные программы

содержат ценностные категории и выражают волю социокультурного квазисубъекта – всех тех людей, которые пережили и продолжают переживать, зафиксировали, сообщили и продолжают сообщать другим свои ценностные системы. Воля рассматривается как объект программирования, поскольку именно воля является внутренней *детерминантой выбора*, принятия решения, ценностного самоопределения. Воля говорит «да будет так». Именно воле поэтому адресованы все те воздействия извне, которые заставляют человека иметь, упорядочивать и согласовывать ценности. Если воля – это способность желать, хотеть, намереваться и осуществлять намерение, то программа – это *способ* заставить желать, хотеть, намереваться и исполнять то, что имеет социокультурный смысл (ценность).

Мегатипами социокультурного программирования можно считать миф, нарратив, дискурс (в классическом философском понимании), интертекст (постклассическая философская реинтерпретация дискурса). В современном мире, наследующем культуру прошлого, можно обнаружить все эти мегатипы программирования. В контексте каждого типа социокультурной программы имеются большие или меньшие, качественно различные возможности уклонения, ускользания от программирования и, следовательно, свободы ценностного самоопределения. Поэтому одновременно с рассмотрением программирования воли (внедрения ценностной системы) мы проследим и возможности самоопределения (открытия ценностной системы в индивидуальном переживании).

Исходной формой социокультурного программирования воли можно считать миф. Миф принципиально нерелефлексивен изнутри мифологического сознания, не имеет индивидуального субъекта создания, его содержание не проблематизируется, воздействие неосознаваемо. Воля детерминирована мифологически представленными образцами и жизни. В архаичных мифах это – виртуальные представители сверхъестественных существ (предки, покровительствующие духи), в современных мифах это – виртуальные представители социальных агрегатов (персонажи рекламы, телесериалов, звезды массового искусства). И те, и другие виртуальны, потому что они созданы мифологическим сознанием/бессознательным (будь то работа шаманов или имиджмейкеров, фабрикантов «звезд»), никто их не видел в реальности, но их реальность не вызывает сомнений для носителя мифологической картины мира.

Происхождение этой несомненности содержания мифа связано с его конституирующей характеристикой – *отождествлением слова и реальности*, которую отмечают А. Ф. Лосев, В. П. Руднев, Ю. М. Лотман, М. А. Аркадьев и др. Миф это, по сути, любое предложение или слово, используемое нерелефлексивно, так, как будто оно полностью тождественно некоторой реальности. Поэтому то, что сказано (показано), то и есть на самом деле – для мифологического сознания.

Воля как возможность осознанного выбора, в результате которого утверждается некая ценность, полностью определена мифом. Ценится, желается и выбирается то, что уже есть, всегда было и не может не быть,

потому что все иное означает («несомненно, есть») гибель – физическую, в архаичной мифологии, или гибель репутации, имиджа, гибель в качестве что-то значащего субъекта, – в современных мифологиях.

Альтернатива – бытие в мифе или небытие – настолько неравноценна, что, выбор практически исключается в мифологизированном мире. Выбор мифологической традиции – это псевдо-выбор и псевдо-воля. Нельзя не участвовать в ритуале, не пройти инициацию, не соответствовать своему имени, иначе этот субъект вовсе не считается человеком. Это справедливо и для архаичных мифов и, аллегорически, для современных. Система ценностей присваивается и не свободно, и не принудительно, а *неизбежно*, не может не присвоиться, если индивид живет в социуме. Контрольные точки этой программы – ритуалы инициации – есть моменты усиления программирования и выбраковывания вне-программных, (в архаическом обществе – нечеловеческих, в современном – неадекватных, «нестандартных», ненормальных (Фуко М.)) экземпляров.

Итак, миф воздействует на волю посредством нерефлектируемого, непроблематизируемого, бессознательного отождествления знака и реальности. Миф объявляет нечто единственно возможным, полагает, что другого ничего нет (хаос, небытие, смерть), поэтому вопросы выбора ценностей вообще не возникают (ведь другого ничего нет), выбор исключается, система ценностей детерминируется целиком извне.

В современном мире мифологические программы как детерминанты воли и ценностных систем преобладают в массовой культуре.

Более поздние на историко-культурной шкале, постмифологические феномены социокультурного программирования – нарратив и дискурс.

При демифологизации сознания происходит развертывание временного цикла в линейную последовательность, возникновение феномена события, историчности последовательности, и рождается текст.

Текст имеет нарративную структуру, это повествование об уникальном невоспроизводимом событии, у которого есть начало, середина и конец. Вместе с текстом, нарративом, метанарративами (большими легитимирующими повествованиями) рождается «автор». «Автор» – творец и виновник события с его финалом. С появлением «автора» появляется и «герой»; например, в античной архаике под «героем» понимался свободный участник Троянской войны, с которым происходят события, о котором мог бы быть создан рассказ (история). Вместе с «автором» и «героем» рождается «рассказчик» – субъект, опосредующий авторское повествование, и «читатель» – субъект понимания и, в то же время, объект воздействия.

Нарратив содержит как возможности, так и ограничения для того, чтобы быть социокультурным программированием воли. В нарративе по-новому воспринимается отношение знака и реальности, понимание людьми того, что выражено знаком.

С одной стороны, в нарративе (до постмодернизма) как в рассказывании историй, сохраняется если не тождество, то непроблематизируемое соответствие знака и реальности, повествования о событии и самого события, а

также соответствие повествования и автора, повествования и героя, повествования и рассказчика. Повествование о событии ценностно окрашено, вызывает желание повторить или избежать подобного события, это не только описание реальности, но и руководство по ее конституированию (Брокмейер Й., Харре Р. и др.).

Метанаррации (христианская, просветительская и пр.), легитимируя некоторое знание, депроблематизируют его отношение к реальности, аксиоматизируют его ценностный аспект, тем самым незаметно, через бессознательное, воздействуют на волю индивидов и групп. Аксиоматизируя сюжеты проявления добра, зла, разума, глупости, закона, произвола, предоставляют готовые ценности, превращают возможность выбора в псевдовыбор. Ориентируясь на тексты, можно знать предпочтительное в социуме направление воли и предвидеть результат действия.

Более того, нарратив «стремится» стать мифом, т.е. *непроблематизируемым повествованием*, где исходное состояние ситуации неизбежно приводит к известным последствиям («все когда-нибудь кончается», «добро побеждает зло» и т.п.). Выбор есть, но подразумевается «правильный выбор», поскольку критерии выбора предзаданы.

С другой стороны, нарратив открывает перспективы для самоопределения, для переживания и индивидуализации ценностной системы. Тождество знака и реальности распадается. Нарратив, как повествование о событии, разотождествляется с самим событием, хотя бы в силу того, что событие могло произойти давно, а слушание или чтение текста происходит сейчас (в отличие от мифа, который происходит все время). Подлинность события может быть поставлена под сомнение. Тексты можно откладывать, перечитывать, по-разному интерпретировать, оценивать, комментировать. Особенно эта тенденция усиливается по мере диффузии культур, в толковании таких феноменов как перевод текстов на иные языки, толкование, экзегеза, комментарий.

Если миф исключал возможность выбора, то на основе нарратива, авторитетного повествования о событии выбор оказывается возможен. Выбор как таковой возникает именно на основе *демифологизированного*, нарративного мироосмысления.

Во-первых, событие и повествование (автор, герой, рассказчик, читатель) не тождественны, следовательно, возможен выбор толкования, интерпретации, понимания повествования, отношения к событию. На основе несовпадения события и повествования о нем возникает план внутренней реальности, внутреннего мира, где происходят свои события, параллельно или последовательно связанные с внешними.

Во-вторых, событие, на уровне индивида, может быть представлено как поступок. Поступок, в свою очередь, связан с совершением выбора. Повествование о событии – это повествование *о выборе*. Поступок, как осуществленный выбор, не отменяет жизнь героя (как это было бы на основе мифа), а изменяет ее. Жизнь продолжается, но иначе, чем до совершения поступка.

Вместе с тем, как только появляется возможность выбора и самоопределения, так одновременно усиливается, видоизменяется социокультурное программирование, направляясь уже на детерминацию воспроизведения человеком не столько готового *образца поведения (миф)*, сколько готового *образца выбора (нарратив)*. Нарративы – это ментальные тренировки, *упражнения выбора*, подобно тому, как мифологические ритуалы – это тренировки, упражнения человеческих деяний.

Как только оказывается возможным (не гибельным) индивидуальный выбор, в культуре появляются оправдания того или иного направления выбора, вырабатываются подсказки для воли – депроблематизирующие поучительные повествования. Как реакция на депроблематизацию возникают действительно проблематизирующие повествования, в которых герои оказываются перед необходимостью выбора не между добром и злом (что, по сути, псевдovýбор), а между одним и другим общепризнанным добром, между одним и другим неизбежным злом. Это ситуации подлинного выбора, упражнения для воли, действительные проблемы, требующие переупорядочения ценностей, поэтому повествования такого рода рискованны и редки в культуре. Так называемые дилеммы не содержат «правильного» выбора, предсказуемого исхода повествования, допускают произвольность решения, креативный хаос, поэтому представляют угрозу любой фиксированной системе ценностей.

Одновременно с рождением текста (нарратива) при распаде мифологической картины мира рождается дискурс. Дискурсивные контуры и практики складывались, прежде всего, как способы вопрошания, сомнения, проблематизации, соотнесения точек зрения. Тем не менее, каждый дискурс, даже играя роль критики, проблематизации предшествующей традиции, верования, идеологии, приобретает затем тенденцию *самому становиться непоблематизируемой* традицией. Дискурсивные контуры сами становятся программами, как только начинают содержать депроблематизированные фрагменты, аксиомы, непреложные ценности. Дискурс также «стремится» стать мифом – «само собой разумеющимся» способом обсуждения.

Итак, нарратив воздействует на волю и освоение системы ценностей посредством соответствия структуры повествования и структуры события, автора (читателя, героя, рассказчика) рассказа и субъекта события, что способствует восприятию нарратива как квазиреальности и *уподоблению* ценностно значимым в культуре *персонажам* этой квазиреальности. Индивид становится квазигероем своего жизненного нарратива, уподобляемого господствующим в культуре метанарративам. Вместе с тем, именно это качество нарративной реальности – «как бы», «квази» – оставляет свободу для самоопределения в реальности своей жизни. Интерпретация, отношение, способ понимания, уровень доверия ценностно окрашенным нарративам позволяют произвольно определять себя, свои выборы, решения, поступки, не уподобляя их полностью, а только соотнося с социокультурными, ценностными образцами.

В современном мире программирование воли и системы ценностей посредством нарративов преобладает в локальных группах, гомогенных

субкультурах – профессиональных, конфессиональных и пр. Социокультурные программы, имеющие нарративную, дискурсивную структуру, отличаются значительным разнообразием сегодня, что позволяет делать утверждения о «закате метанарраций» и распространении сомнения в дискурсах, претендующих на господство.

Досовременные общества имели каждое одну глобальную программу – метанарратив, фундаментальный дискурс, регламентирующий жизнь и деятельность индивидов в различных сферах на единой основе. В современном обществе целостность программ, как и целостность индивида, расколота. Картина мира (базисный сценарий) нового и новейшего времени является распределенной, образуется несколькими группами практически несогласованных ценностей, пришедших из разных времен и культур.

С другой стороны, границы групповой идентичности расширяются в настоящее время. Следует отметить две глобальные разнонаправленные, диалектически взаимосвязанные тенденции: с одной стороны, тенденция становления так называемых *метакультур*, суперорганизмов социальной жизни, с другой стороны, тенденция усиления *полицультурности* (или мультикультурализма), в другом контексте определяемые как *глобализм и антиглобализм*. В каждой из них имеется система ценностей и притязание на утверждение метанарратива, фундаментального дискурса, программирующих волю и присвоение ценностей.

Реакцией как на традиционно господствовавшие, так и на современные мифы, дискурсы и метанаррации, явилось распространение *сомнений, скепсиса, критики всего, претендующего на доминирование*. Сомнение принимает как формы *нигилизма, социального безразличия или деструктивности*, так и формы философского *скепсиса, деконструктивизма*. Так, аналитическая философия, деконструктивизм объявили известные социокультурные системы (традиции, нормы, ценности) языковыми играми, конструктами, относительными своей историко-культурной ситуации, знаковыми рядами, параллельными реальности и не отражающими ее. Слово и реальность не то что не тождественны (как в мифе), но и не соответствуют (как в нарративе), они образуют параллельные ряды, как отмечает Ж. Лакан, выступая против сосюрговской модели знака. То, что сказано, есть только то, что сказано. Можно ли на этой основе получить готовый ценностный ориентир?

Кроме того, сегодня все более ясным благодаря открытиям в русле постструктурализма, деконструктивизма, постмодернизма становится то, что мифы, наррации, дискурсы не сосуществуют как автономные тексты, между которыми автономные целостные субъекты могли бы делать выбор, а взаимно проникают друг в друга, взаимно фрагментируют и копируют друг друга, преобразуя при этом и преобразуя друг друга – то есть представляют собой *интертекст*. Явление интертекстуального взаимодействия, которое всегда существовало и прослеживается лингвистами в самых отдаленных культурах прошлого, сегодня открылось самосознанию культуры. Реальность и ценность событий, субъектность автора и читателя, целостность отдельного текста представляются сомнительными в концепции интертекста. Концепции «смерти

автора», «смерти читателя», вообще «смерти субъекта» выражают глубокий скепсис относительно возможности чего бы и кого бы то ни было отдельного, не включенного в интертекстуальную сеть (или социокультурный текст), в процесс взаимных перформаций.

Программирование воли на основе *интертекста*, следовательно, *не может инкорпорировать индивиду готовую систему ценностей*. Но программирования нельзя и отрицать, хотя характер его существенно изменился по сравнению с нарративом и, тем более, мифом, а распространение таких программ пока ограничивается сферами элитарного искусства, относительно замкнутых интеллектуальных общностей. На материале философских дискурсов, перформансов творческих групп и пр., позиционирующих себя как сторонников постмодернизма, деконструктивизма, шизоанализа или ряда установок религиозных практик (в которых «ничто» является концептуальной основой), можно заметить некоторые тенденции постсовременного программирования. Это не заполненное место, а пустота, не бытие, а ничто, не создание тождества, а его разрушение, не возгласение имени, а издание сигнала, не достижение понятности, а ее предупреждение, не внесение определенности в систему значений и ценностей, а побуждение к самостоятельному определению, доопределению, переопределению. Если интеллектуальная элита традиционного типа давала социальным субъектам и явлениям имена и истории, располагающие к *уподоблению*, тем самым предлагала программы, поддающиеся *линейному* или *разветвленному* описанию, то интеллектуальная элита постсовременного типа отнимает известные имена у известных явлений, заставляет поставить под сомнения все тождества и, тем самым, побуждает к *вероятностному* самоопределению. Но это тоже программа, хотя она и выглядит как негатив традиционной программы. Достижимая определенность ценностной системы может быть множественной (человек может ценить одновременно многое, не совершая выбор, участвуя одновременно в разных жизненных проектах, включая виртуальные), игровой (ситуативно, на время игры можно принимать попеременно противоречивые системы ценностей), ускользающей от фиксации, существующей в виде процесса. Пост-постмодернистская концепция «воскрешения субъекта» представляет этот процесс как *воссоздание субъектом себя из социального текста*.

Итак, интертекст воздействует на волю, критически усиливая не определенность ценностных ориентиров, а, напротив, *неопределенность*. Альтернатива для самоопределения, которая при этом открывается, – это принятие свободы воли и открытие ценностей в переживании, либо бегство от свободы в спасительную определенность мифа, нарратива, дискурса, претендующих на готовое определение ценностной системы.

Мы намеренно не затрагивали содержания различных сообщений, высказываний, повествований о ценностях в рамках социокультурных программ – мифов, нарративов, дискурсов, интертекстуального взаимодействия, поскольку содержание, выражая ценности, обращается к

сознанию. Между тем знаемые, создаваемые ценности бывают мало связаны с действительными, т.е. с волей к действию.

Средство социокультурного программирования, – это не содержание сообщений, а их способ, язык – в широком смысле слова. Будучи обычно незаметным, нерелективируемым, неосознаваемым, прозрачным, язык, в то же время, является основным носителем ценностных, культурных категорий. Практически каждое слово современного языка – это незаметная шпата, повествование, миф, аббревиатура, за которой скрываются ценности, которые присваиваются незаметно, неосознанно.

Поэтому источник свободы ценностного самоопределения в насковзь семиотизированном, языковом мире, каким является мир человека, видится нам в языковой рефлексии, проблематизации, грамматическом анализе, этимологии – в предельно сознательном использовании языковых средств, ибо помимо нас, сквозь нас, посредством нас они проводят в жизнь волю и ценности других людей, живущих и давно умерших, осажденную в значениях нерелективно используемого языка. В данном контексте могут быть осмыслены и цели образования.

Т. С. ОРЛОВА

РАЦИОНАЛИЗМ И ДУХОВНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Перед российским обществом стоит серьезная задача: выработка в содержании и структуре экономического сознания собственных ценностных координат, смыслов и установок, способствующих формированию социально ответственного хозяйствующего субъекта.

Экономика по самой своей сути и назначению антропологична. Но ее разворот лицом к человеку растянулся во времени на многие века, приобрел противоречивый и драматический характер. Так, история богатства и огромных состояний ничтожного числа людей писалась кровью и вероломством, путем попрания жизненных интересов большинства. И причины тому надо искать не столько в экономике, сколько в самом человеке. Именно по его «образу и подобию» выстраивалось хозяйство, производство и труд, распределение, обмен и потребление, «отливались» институциональные формы собственности, экономического права, инструменты финансовой, кредитной и денежной политики.

В хозяйственно-экономическом и социальном опыте прошлого безраздельно господствовала установка исключительно на полезность, выгодность, прибыль и богатство. «Хозяйство стимулируется стремлением к богатству и преодолению бедности», – констатирует С. Н. Булгаков [1, с.215]. И сущность хозяйственного процесса почти непроницаемо занавешивается этим всеобщим соревнованием, конкуренцией, раздробляющей единый и целостный процесс на отдельные дробные единицы. Но именно на этот факт – богатство (и соответственно, бедность) как личное достояние (состояние), социально обусловленное, и ориентируется политическая экономия. Центром экономической теории продолжает оставаться богатство, национальный доход